К. Е.

На твоей стороне улицы

К. Е.

На твоей стороне улицы

«Автор»
2026

Е. К.

На твоей стороне улицы / К. Е. — «Автор», 2026

После болезненного разрыва и ухода с работы Нина возвращается в родной город — без плана и почти без сил. Она берётся за небольшой проект о городских звуках и случайно записывает голос, который Антон не хотел бы слышать со стороны.Он чинит трамваи и не любит, когда чужие люди задают лишние вопросы. Она привыкла прятаться за наушниками и монтажом. Но работа снова и снова сводит их вместе — и между случайными встречами, семейными историями и долгими разговорами появляется доверие.Нине предстоит заново услышать себя и решить, где её место. А ещё — понять, можно ли быть рядом, не теряя собственного голоса.

© Е. К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой голос 5
Глава 2. Работа по знакомству 9
Глава 3. Тридцать секунд тишины 13
Глава 4. Обратная сторона 17
Глава 5. Не по работе 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

К. Е.
На твоей стороне улицы

Глава 1. Чужой голос

В день моего возвращения город звучал так, будто меня здесь никто не ждал.

На вокзале стучал автомат с кофе. За стеклянными дверями мужчина бил ладонью по колесу своего чемодана — проверял, не отвалилось ли. Над площадью орали чайки, хотя до моря отсюда было ещё два квартала, а из динамика доносилось объявление, в котором разобрать можно было только слово «задерживается».

Я сняла наушники. Без них стало хуже: к остальному добавился хруст пакета, который женщина рядом никак не могла развязать.

— Вам помочь?

Она прижала пакет к груди.

— Спасибо, не надо.

Я отступила. На телефоне светилось мамино сообщение: «Ключ у Светы. Я до восьми. В холодильнике суп».

Три предложения, в которых никто ни о чём не спрашивал. Я прочла их дважды и почувствовала к маме такую благодарность, что пришлось отвернуться к расписанию.

Восемь месяцев назад я уезжала с одним рюкзаком. Возвращалась с чемоданом, рюкзаком и коробкой, перевязанной проводом от сломанных наушников. В коробке лежал мой рабочий монитор. Второй остался у Ильи. Я могла бы забрать и его, но для этого пришлось бы ещё раз войти в квартиру, где моя кружка уже стояла на верхней полке: Илья переставил её туда, пока я собирала одежду.

Телефон завибрировал.

«Напиши, как доедешь».

Я удалила уведомление, не открывая переписку.

Трамвайная остановка была на прежнем месте. Это оказалось неожиданно важным. За восемь месяцев могли смениться киоски, мэр, маршрут транспорта; мне почему-то казалось, что после моего провала город тоже должен был немного испортиться. Но жёлтый столб с номером семь стоял у аптеки, и на нём по-прежнему криво висело металлическое расписание.

Чемодан ударился колесом о рельс. Коробка поехала у меня под мышкой.

— Только не сейчас, — сказала я ей.

В этот момент подошёл трамвай.

Он был старый, красный, с белой полосой под окнами. Спереди за стеклом болталась картонная табличка «В депо». Дверь открылась, и из кабины высунулся парень в серой рабочей куртке.

— Семёрки сегодня с той стороны.

— Я не сажусь.

— А похоже, что сажаетесь.

Я посмотрела на ногу, которую успела поставить на ступеньку.

— Это промежуточное решение.

Он перевёл взгляд с чемодана на коробку.

— Неудачное. Здесь служебный рейс.

— У меня сегодня и остальные такие.

Он не улыбнулся. Кивнул на остановку через дорогу:

— Вам туда.

Дверь дёрнулась, но не закрылась. Внутри что-то коротко звякнуло.

Я бы не обратила внимания, если бы перед этим не простояла шесть часов в поезде с разряженным рекордером. Когда ты работаешь со звуком, интересное почти всегда случается, пока устройство заряжается в недоступной розетке.

Звон повторился. Не обычный трамвайный: тонкий, с небольшой дрожью, будто ложкой задели край стакана. Я поставила коробку на чемодан, достала из кармана маленький рекордер и нажала запись.

— Ещё раз можно?

— Что?

— Дверь.

Парень посмотрел на устройство.

— Вы из управления?

— Нет. Я звук записываю.

— А.

С таким «а» люди обычно узнают, что ты разводишь палочников.

Он нажал кнопку. Дверь закрылась, звякнула и снова открылась.

Я подняла большой палец.

— Спасибо.

— Только лицо моё никуда не надо.

— Это микрофон.

— На всякий случай.

Он скрылся в кабине. Пока я убирала рекордер, за стеклом что-то щёлкнуло, и динамик под потолком ожил.

Сначала раздалось шуршание, затем женский голос произнёс:

— Следующая остановка… Нет, подожди. Я опять слишком быстро?

Мужчина что-то ответил, но слов я не разобрала.

Женщина засмеялась. Коротко, смущённо. Как будто её поймали за чем-то приятным.

Парень рванулся к панели. Динамик умолк.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга через открытую дверь.

— Выключите, — сказал он.

— Что?

Он указал на рекордер в моей руке.

Красный огонёк всё ещё горел.

— Да, конечно.

Я нажала стоп.

— Это случайно. Я дверь…

— Удалите.

Сказано было тихо. От этого я почему-то сразу разозлилась.

— Там ничего такого нет.

Его лицо изменилось. Не сильно: чуть сдвинулась челюсть, взгляд стал неподвижным.

— Я не спрашивал, что вы об этом думаете.

Сзади загудела машина. Красный трамвай стоял на повороте и мешал проезду.

— Сейчас, — сказала я, глядя на крошечное меню.

Вместо удаления открыла настройки даты. Руки после поезда казались чужими.

Машина загудела снова.

— Господи, да удалю я.

Он захлопнул дверь. Трамвай тронулся так резко, что я отступила к столбу.

На экране рекордера мигало имя нового файла: 0097.WAV.

Я могла удалить его. Нужно было всего лишь вернуться назад и выбрать корзину. Но я стояла с коробкой, чемоданом и телефоном, который снова вибрировал из-за Ильи, а сверху на всё это наваливался чужой приказ.

Я выключила рекордер.

По дороге к маминому дому колесо чемодана окончательно сломалось.

Ключ у Светы нашёлся в кассовом ящике цветочного. Сама Света за месяцы моего отсутствия отрастила чёлку и научилась собирать букеты такой величины, что за одним из них почти не было видно её лица.

— Ну, привет, столица, — сказала она.

— Не начинай.

Она осторожно отложила розу.

— Так. С этим понятно.

Мы обнялись через прилавок, зацепившись рукавами за колючую проволоку декоративной корзины. Света высвободила меня, посмотрела на коробку.

— Надолго?

— Не знаю.

— Хорошо.

— Почему хорошо?

— Потому что если скажешь «на неделю», я не поверю. А так хотя бы честно.

Она дала мне ключ и банан. Банан был тёплый и немного помятый, но я съела его по дороге до подъезда, впервые за день обнаружив, что голодная.

Мамина квартира пахла порошком и жареным луком. Моя комната была убрана, на столе лежала стопка старых журналов, а у окна стояла сушилка с простынями. В моё отсутствие здесь вполне успешно обходились без меня.

Я унесла сушилку на кухню, поставила коробку на пол и села на кровать.

Спустя минуту пришло ещё одно сообщение от Ильи.

«Нам всё равно нужно закрыть вопрос с исходниками».

Я перевернула телефон экраном вниз.

Потом подключила рекордер к ноутбуку.

Так я обычно начинала работать: копировала записи, разбирала папки, подписывала файлы. Порядок названий давал короткое ощущение контроля. Море_ветер_01. Дверь_металл_02. Вокзал_толпа_03.

На 0097 я остановилась.

Трамвайная дверь звякнула в наушниках совсем близко. Слышно было, как я переступаю, как цепляется за рукав провод. Потом женский голос:

— Следующая остановка… Нет, подожди. Я опять слишком быстро?

Я услышала мужской ответ. Раньше его заглушила улица.

— Нормально, мам. Только после «остановка» подыши.

— Ты меня сам сбиваешь, Антоша.

Тот же смущённый смех.

Я сняла наушники.

В квартире было тихо. В ванной через одинаковые промежутки времени падала капля. Раньше я всегда говорила маме, что с этим нужно что-то сделать, а теперь звук оказался почти уютным.

Я открыла папку, нажала правую кнопку на файле.

«Удалить».

Палец застыл над тачпадом.

Во всём остальном я сегодня была права: нельзя приказать незнакомому человеку, нельзя смотреть так, будто он уже в чём-то виноват. Но запись была чужая. Я знала это ещё на остановке.

В дверь позвонили.

Я дёрнулась, промахнулась мимо меню и вышла в коридор.

На площадке стоял тот самый парень. В одной руке он держал мой чёрный кошелёк, в другой — сложенный лист бумаги.

— У вас в правах этот адрес, — сказал он.

Я посмотрела на кошелёк. Потрогала пустой карман куртки.

— Где он был?

— На ступеньке.

Он протянул находку. На большом пальце у него был широкий пластырь, по краю серый от пыли.

— Спасибо.

— Проверьте.

— Я верю.

— Лучше проверьте.

Я заглянула внутрь. Две тысячи, карта, права, проездной, который ещё весной перестал работать.

— Всё на месте.

Он кивнул и сделал шаг назад.

— Подождите.

Парень остановился.

— Я запись не удалила.

На лестнице хлопнула дверь. Снизу потянуло сигаретным дымом.

Он посмотрел на меня без всякого удивления. Это было хуже, чем если бы разозлился.

— Сейчас удалю, — сказала я. — При вас.

— Не надо при мне.

— Но вы же…

— Я принёс кошелёк.

Он пошёл вниз.

Я стояла в дверях, держала ещё тёплый кошелёк и пыталась придумать, как окликнуть парня. Обратиться к нему по имени после того, что случилось, я не решилась.

Глава 2. Работа по знакомству

Мама пришла в половине девятого, разулась, помыла руки и первым делом поставила чайник.

— Суп ела?

— Нет ещё.

— Разогрей.

Она работала в приёмной поликлиники и к вечеру говорила короткими предложениями, как будто длинные за день израсходовали пациенты.

Я достала две тарелки.

— Ты будешь?

— Буду.

Мы сели друг напротив друга. У мамы между бровями остался след от очков. Мне хотелось протянуть руку и разгладить его большим пальцем, но это было бы странно: мы так никогда не делали.

— С работой что? — спросила она.

Я подвинула к ней хлеб.

— Пока ищу.

— Тебя уволили?

— Я сама ушла.

Мама зачерпнула суп. Подождала.

— Мам.

— Я ничего не говорю.

— Ты молчишь вопросительно.

Она всё-таки улыбнулась.

— Это у меня профессиональное.

Я могла сказать, что Илья включил мой звуковой монтаж в конкурсный проект под своим именем. Что руководитель студии посоветовал не устраивать сцену перед заказчиком. Что я устроила. Что после этого уволилась сама, да, но когда я сдавала пропуск, никто не пытался меня остановить.

А потом Илья сказал: «Мы же команда». Стоял босиком на нашей кухне и держал мою кружку, и от этого привычного жеста я едва не согласилась.

Я съела ложку остывшего супа.

— Мы с Ильёй разошлись.

Мама медленно положила хлеб на стол.

— Он тебя обидел?

— Не так, как ты думаешь.

— Я ещё ничего не подумала.

Я уставилась в тарелку. Мама не стала добиваться подробностей. Она спросила, нужен ли мне шкаф в коридоре, и мы следующие десять минут обсуждали, куда перенести зимние куртки.

Позже, когда я уже легла, она заглянула в комнату.

— Нин. Деньги до зарплаты есть?

Я хотела автоматически сказать «да». Вместо этого села.

— Тридцать две тысячи.

— Это на сколько?

— Если без подвигов, на месяц.

Мама кивнула.

— Тогда без подвигов.

Она выключила свет в коридоре. Я лежала и слушала, как она передвигает на кухне сушилку, которую я выставила со своего прежнего места.

Утром я удалила файл.

Сначала рабочую копию, потом оригинал с карты. Резервное копирование ещё не успело запуститься. Проверила корзину, очистила её и написала на листке: «Запись удалена. Спасибо за кошелёк. Нина».

Листок был дурацкой идеей, но я уже написала.

В депо меня не пустили.

— К кому? — спросил охранник.

— К Антону.

— К какому?

— Он ремонтирует трамваи.

Охранник посмотрел на рельсы за своей спиной.

— Вы удачно зашли. Тут все такие.

Я сунула листок в карман.

— Серую куртку носит. Высокий. Рука порезана.

— Антон Лавров?

— Возможно.

— Сегодня после обеда.

— Я тогда потом.

— Передать что-нибудь?

Я уже покачала головой, но охранник снова посмотрел на меня, и я вспомнила, как Антон стоял у нашей двери с чужими деньгами в руках.

— Скажите, пожалуйста, Нина приходила. Удалить получилось.

Охранник поднял брови.

— Он поймёт.

По дороге домой позвонила Света.

— Ты ещё звуками своими занимаешься?

— Пытаюсь.

— Есть халтура. Но не уверена, понравится ли тебе.

— Там платят?

— Говорят, да.

— Уже нравится.

Женщину, которая предложила мне работу, звали Марина Олеговна. Она занимала две комнаты над библиотекой, руководила городским культурным центром и разговаривала с принтером гораздо нежнее, чем с сотрудниками.

— Ну пожалуйста, — говорила она, вытаскивая из него зажёванную бумагу. — Мы же вчера договорились.

Я стояла в дверях с резюме, которое пришлось распечатать у Светы.

— Проходите. Садитесь. Если стул качается, берите второй.

Качались оба.

Марина Олеговна освободила край стола.

— Нам нужен аудиомаршрут. Городской проект к сентябрю. Человек приходит на остановку, сканирует код, слушает историю. Десять точек. Трамвайная линия вдоль моря, от вокзала до кольца у судоремонтного. Тексты почти готовы.

Она произнесла «почти» с той интонацией, которой люди говорят «пожар уже локализован».

— Какой хронометраж?

— А какой нужен?

— Зависит от сценария.

— Вот. Поэтому нам и нужен специалист.

Я открыла блокнот.

В бюджете оказалось сорок восемь тысяч за весь звук: записи, монтаж, музыка, сведение. Часть расходов на диктора была отдельной, но диктор ещё об этом не знал. Заплатить обещали треть авансом, остальное после приёмки. До сдачи — пять недель.

За такую работу в студии брали больше. Студия, правда, не спала на детской кровати рядом со школьными журналами.

— У меня условие, — сказала я.

Марина Олеговна подняла глаза от сметы.

— Моё имя должно быть в титрах. И в договоре нужно написать, что именно я делаю. Не просто «оказание услуг».

— Нина, я не собиралась…

— Я понимаю. Всё равно нужно.

Она посмотрела на меня чуть внимательнее и кивнула.

— Присылайте формулировку.

Это согласие далось так легко, что я на секунду растерялась.

— Нам ещё нужен звук действующего вагона, — продолжила она. — Именно внутри: как объявляют остановки, как едут, как двери. И интервью с сотрудниками. С депо договорились, вам выделят сопровождающего. Одной там нельзя.

Я перестала писать.

— Кого?

— Сейчас.

Она провела пальцем по распечатке.

— Лавров Антон Сергеевич.

Я посмотрела на качающийся стул. Встать и пересесть во второй уже не имело смысла.

Антон ждал меня у проходной в два часа. Рукава рабочей куртки были закатаны, пластырь на пальце сменился свежим.

— Здравствуйте, — сказала я.

— Здравствуйте.

Он протянул одноразовый пропуск.

— Телефон охраны запишите. В цехе без меня не ходить. На пути не вставать, даже если тихо. Здесь может быть откат.

— Хорошо.

Он повёл меня вдоль кирпичного здания. Из открытых ворот тянуло железом и нагретой пылью.

— Я сегодня утром приходила.

— Знаю.

— Запись удалила. Обе копии. И с карты тоже.

Он остановился у двери.

— Хорошо.

— Я должна была сразу.

— Да.

Я ждала ещё чего-нибудь: принятого извинения, фразы «проехали», хотя бы раздражённого вздоха. Антон открыл дверь и пропустил меня внутрь.

В цехе стояли три вагона. Один был поднят над смотровой канавой, у второго отсутствовала лобовая панель. Третий я узнала по белой полосе и вмятине у фары.

— На этом будем писать, — сказал Антон. — Сорок первый. В воскресенье идёт в резерв, сегодня после четырёх свободен.

Я достала блокнот.

— Мне нужно минут сорок в тишине.

Из глубины цеха донёсся грохот, за ним чей-то восторженный мат.

Антон посмотрел на меня.

— Это сложная заявка.

Впервые за два дня мне захотелось засмеяться не от усталости.

— Ладно. Начнём с относительной тишины.

Он подвинул к вагону лестницу и подождал, пока я поднимусь. Когда я обернулась на верхней ступени, он уже отошёл, освобождая место.

В салоне пахло винилом, солнцем и чем-то сладким. На перегородке у кабины виднелся светлый прямоугольник от снятой наклейки.

Я вынула микрофон.

— Чужие разговоры писать не буду. Если случайно попадут, остановимся и удалим.

Антон стоял внизу. Смотрел на меня с лестницы.

— Я понял.

— Я хочу, чтобы вы знали.

Он помолчал, затем поднялся в салон.

— Дверь какую? Первую или среднюю?

Глава 3. Тридцать секунд тишины

У Антона был талант переставать существовать рядом с микрофоном.

Большинство людей, которых просят минуту не двигаться, немедленно начинают чесать нос, перебирать ключи и шептать: «А сейчас уже можно?» Антон сел на заднее сиденье, положил руки на колени и смотрел в окно. Даже его рабочая куртка не шуршала.

Я записывала пустой салон.

По крыше ходил голубь. За стеной цеха с равными промежутками звякал инструмент. Где-то в передней части вагона гудел преобразователь — ровно, низко, почти незаметно, пока не наденешь наушники.

Через сорок секунд я опустила руку.

— Есть.

Антон выпрямился.

— И что там?

— Сейчас.

Я сняла наушники и протянула ему.

Он не взял.

— Можно просто один приложить, — сказала я. — Там ничего громкого.

Он наклонился и прижал чашку к уху. Я нажала воспроизведение.

В записи пустой вагон оказался больше настоящего. В него вместились и крыша, и цех, и далёкий обрывок радиопередачи. Антон нахмурился.

— Подшипник, — сказал он.

— Где?

— Вентилятор. Слышите? На обороте провал.

Я перемотала.

Теперь услышала.

— А я думала, это фон.

— Он и есть фон. Пока не встанет.

Он вернул наушник. Его пальцы на секунду коснулись моих, и я заметила на костяшке свежую царапину. Именно она смутила сильнее прикосновения: слишком близкая, ненужная подробность чужого тела.

Я убрала провод в сумку.

— Вы всегда так слышите?

— Как?

— Что сломается.

— Только здесь.

Это было сказано без всякого второго смысла. Я всё равно запомнила.

К пяти часам мы записали двери, переключатели, компостер и то, что Антон называл «нормальный звонок», а я уже мысленно слышала в начале каждой главы маршрута.

Потом у меня сел аккумулятор.

Я посмотрела на экран. Выругалась шёпотом.

— Вторая есть? — спросил Антон.

— Была.

— А сейчас?

Вторая батарея осталась в съёмной квартире, в ящике с проводами. Я точно знала, где: справа, под переходником, который никто, кроме меня, не мог найти.

— Нет.

Антон посмотрел на часы.

— Тогда завтра. У меня до полудня работы по тележке, после можно.

— Я могу сегодня от сети.

— Розетка в бытовке. Там уже всё, что можно, включили.

— Переноска?

— Нина.

Я подняла голову. Он впервые назвал меня по имени.

— Вы устали. Я тоже. Завтра запишем.

Мне захотелось сказать, что он не вправе решать за меня, когда я устала. Но я в этот момент попыталась застегнуть сумку не за тот конец молнии.

— Хорошо.

Он сошёл первым, придержал лестницу. Уже на земле я заметила под сиденьем у кабины маленький зелёный футляр с проводами.

— Ваше?

Антон обернулся.

Внутри лежала плата, присоединённая к старому телефону. Рядом — динамик. Домашняя конструкция, обмотанная изолентой.

— Моё.

Я отвела взгляд.

— Я не трогала.

Он поставил футляр на сиденье, закрыл крышку.

— Это не штатное, — сказал после паузы. — Проверял, можно ли подключить. Нельзя.

— Поняла.

Мне было что спросить, но он уже спрятал футляр в шкаф.

У проходной шёл дождь.

Не тот, из-за которого меняют планы. Мелкий, упорный, почти горизонтальный: в таком городе люди даже не поднимают зонты, просто доходят домой мокрыми.

Я натянула капюшон и пошла к остановке. Антон шёл рядом. Без рабочей куртки, в тёмном свитшоте, он казался моложе. Я дала бы ему двадцать семь — возраст, в котором взрослость уже положена по документам, но всё ещё может не получаться.

У перехода он свернул к маленькому продуктовому.

— Вам туда? — спросил.

— Мне везде туда. Я в отпуске от успешной жизни.

Он посмотрел на меня. Я пожалела, что сказала это вслух.

— До свидания, — добавила я.

— До завтра.

В трамвае я обнаружила на ладони сажу. Чёрная полоса шла через линию жизни, если я правильно помнила, какая из них линия жизни.

Я потёрла её салфеткой. Только размазала.

Дома мама смотрела сериал с выключенным звуком.

— Зачем? — спросила я.

— Там субтитры.

— Но зачем выключать?

— Весь день разговаривают.

Я кивнула и села рядом. Мама передвинула ко мне миску с черешней.

На экране мужчина обнимал женщину, которая продолжала держать перед собой сумку. Никто не выглядел уверенным, что объятие нужно.

— Правдоподобно, — сказала я.

— Это он после развода вернулся.

— Зря.

— Может, у него батарейка села.

Я повернулась к маме. Она спокойно выбрала черешню из миски, и я поняла, что Света уже всё ей рассказала про мою новую работу.

— Вы с ней хоть иногда не обсуждаете меня?

— Когда спим.

На следующий день я пришла в депо с заряженным рекордером, сетевым адаптером и новым комплектом батареек, купленным по дороге.

Охранник выдал пропуск.

— Удалённая, проходите.

— Что?

— Антон так записал. Нина, которая удалила.

Я закрыла глаза.

— Прекрасно.

Антон ждал за воротами. В руках у него были два картонных стакана.

— Чай? — спросил он.

Я взяла один.

— Спасибо. На проходной теперь знают.

Он остановился.

— Я сказал, чтобы вас пустили. Они спросили, какая Нина.

— И вы выбрали самую короткую биографию.

— Не подумал.

От его простого ответа моя заранее приготовленная колкость рассыпалась.

— Ладно. Бывает.

Мы пошли вдоль цеха. Чай был слишком сладкий, горячий и очень кстати.

— У меня к вам вопрос, — сказала я.

Антон чуть повернул голову.

— Только по работе. Десять точек маршрута — это правильно? Люди физически успеют выйти, послушать, сесть обратно?

— Если хотят провести с нами всю жизнь.

— Так и запишу в рекламе.

Он отпил чай.

— После восьми вечера интервал двадцать восемь минут. Иногда больше. На мысе остановка без навеса. У третьей проход закрыт, там ремонт теплотрассы.

— В текстах ничего этого нет.

— Тексты в депо не ездили.

Я достала телефон и открыла заметки.

— А вы можете сегодня показать линию?

Он посмотрел на часы.

— После трёх. На обычном рейсе. У меня до четырёх сопровождение по вашему письму, так что успеем круг.

Я написала Марине Олеговне, что маршрут надо проверить на месте.

Она ответила через минуту: «Отлично. Фото для соцсетей сделайте тоже».

Я убрала телефон.

— Будем делать звук, — сказала я.

— Знаю, — ответил Антон.

Это было первое его «знаю», от которого мне стало спокойно.

Мы сели в семёрку на конечной.

Вагон был новый, с низким полом, яркими поручнями и искусственным голосом, который объявлял остановки слишком бодро для такого дождя.

Антон сел у прохода. Я — у окна. Микрофон держала низко, у колен, чтобы не пугать пассажиров. Перед началом спросила водителя; людей рядом не было.

За стеклом плыл мой город. Шиномонтаж вместо видеопроката. Сосна, которая росла горизонтально над оградой. Синий балкон на третьем этаже, где в детстве я каждый день высматривала собаку.

— Вы отсюда? — спросила я.

— С Девятого. За заводом.

— Мы там на школьных соревнованиях бегали.

— По стадиону?

— По лужам вокруг. Стадион был закрыт.

— Он всегда закрыт.

Я засмеялась. Антон посмотрел на меня и отвернулся к окну на противоположной стороне.

На «Больнице» вошла женщина с ходунками. Антон поднялся ещё до того, как она дошла до сидений. Я отодвинула сумку.

— Мне скоро, — сказала женщина.

— И мне, — сказал он, хотя нам было ещё полчаса.

Он остался стоять у поручня. Когда вагон качнуло, свободной рукой придержал мою сумку с аппаратурой, чтобы та не ударилась об сиденье. Я взяла сумку сама. Он сразу убрал ладонь.

На повороте к морю микрофон поймал скрежет колёс. Широкий, металлический, с переливом в конце.

Я машинально подняла голову.

Антон смотрел на меня.

— Этот? — спросил.

Я кивнула.

— Обратно лучше слышно. Если слева сидеть.

Я улыбнулась раньше, чем успела решить, надо ли.

Глава 4. Обратная сторона

В пятницу Марина Олеговна прислала сценарий.

Одиннадцать страниц, десять остановок, шесть дат постройки и три фразы «излюбленное место горожан». Я прочитала всё дважды, пытаясь услышать голос человека, который будет это произносить.

Голос неизменно начинал извиняться на второй странице.

Я позвонила.

— Нам нужно менять тексты.

На том конце какое-то время молчали.

— Сильно?

— Не все. Но информация должна быть связана с тем, что человек видит. На пятой точке предлагается посмотреть на здание, которое снесли.

— Фото будет на сайте.

— Он стоит на улице под дождём. Зачем ему ехать туда, чтобы посмотреть фото в телефоне?

Марина Олеговна вздохнула.

— Нина, сценарист уже получил деньги.

Я посмотрела на свой договор. Он лежал передо мной, распечатанный и подписанный: музыка, запись, монтаж, сведение. Никакой работы со сценариями.

— Я могу предложить структуру, — сказала я. — Но переписывать всё бесплатно не буду.

После этих слов стало жарко, хотя окно было открыто.

— Я не просила бесплатно, — ответила Марина Олеговна. — Давайте сначала посмотрим, сколько там работы.

Я опустила плечи.

Илья называл такие разговоры сложным характером. Мне всё ещё приходилось напоминать себе, что он не единственный на свете человек, который умеет разговаривать о деньгах.

Сценаристом оказался мужчина по имени Олег, учитель истории на пенсии. Он пришёл в библиотеку с папкой архивных выписок и собственной ручкой, завёрнутой в салфетку.

Я приготовилась к обороне.

Олег слушал молча, иногда делая пометки.

— Вы предлагаете начать с поворота? — переспросил он, когда я закончила.

— Со звука поворота. Он там очень характерный. Потом человек слышит море. И только после этого — историю линии.

— То есть сначала дать ему что-то узнать.

— Да.

Олег подумал.

— А заводскую проходную оставить можно? У меня там отец работал.

И мы проговорили ещё два часа.

Оказалось, он сам хотел записать воспоминания бывших работников, но ему сказали, что для городского проекта нужны «проверенные исторические сведения». Поэтому он вставил шесть дат и три излюбленных места.

К концу встречи на столе лежал новый план. Не сенсационный: меньше справочника, больше живых голосов. Структуру делали мы вдвоём, переписывал Олег, а я получала доплату за дополнительные интервью. Марина Олеговна посмотрела на нас с таким облегчением, будто ожидала разнимать драку.

Я вышла из библиотеки в начале седьмого. На улице впервые за неделю было сухо.

В телефоне ждало письмо от бывшей студии.

«Нина, привет. По проекту “Прилив” нужны исходники для доработок. Илья сказал, они у тебя. Пришли, пожалуйста, сегодня до конца дня».

Ни слова о моём имени. Ни вопроса, могу ли я. Сразу «пришли».

Я остановилась у фонаря.

«Здравствуйте. Передача исходных сессий не входила в мои трудовые обязанности по этому проекту…»

Стерла.

«Пока в титрах не будет исправлена информация об авторстве…»

Стерла снова.

Мне позвонил Антон.

Я так удивилась, что чуть не выронила телефон. Его номер появился у меня после первого рабочего дня, но до сих пор мы обменивались только сообщениями вроде «вход со двора».

— Вы где? — спросил он.

— У библиотеки.

— А. Я у проходной. Вы говорили, сегодня за петличкой зайдёте.

Я закрыла глаза.

Петличный микрофон остался в шкафу цеха. Я собиралась забрать его до шести.

— Простите. Совсем вылетело. Я сейчас.

— Не надо сейчас. Я через центр еду, могу принести.

Я посмотрела на время. Семь минут седьмого.

— Вы меня ждали?

— Немного.

— Сколько?

— До «немного» ещё входит.

Он приехал на велосипеде. Не спортивном: чёрная рама, крыло на переднем колесе, багажник с резиновым жгутом. Снял рюкзак, достал микрофон в пакете.

— Чтобы не намок.

— Сегодня дождя нет.

— Теперь нет.

Я взяла пакет.

— Спасибо. И простите.

Он пожал плечом.

— Бывает.

Моё вчерашнее слово. Я не поняла, специально ли.

Рядом с библиотекой пекарня выставила столик на тротуар. Из открытой двери пахло горячим тестом. Я за день съела йогурт и три сухих печенья из Марининой вазы.

— Давайте я вас хотя бы накормлю, — сказала я.

Антон посмотрел на пекарню.

— Я сам могу.

— Я знаю. Это компенсация ожидания.

Он помедлил.

— С капустой там нормальные.

Мы стояли у высокого столика. На велосипедном руле висел его шлем. Я держала пирог в бумажном пакете, чтобы не обжечь пальцы.

— Вы всегда на «вы»? — спросила я.

— С заказчиками.

— Я не совсем заказчик.

— Вы человек с блокнотом.

— Тогда в депо половина управления мои родственники.

Он улыбнулся.

Улыбка была короткая и сильно меняла лицо. У него появлялась складка у левой щеки, а взгляд становился почти мальчишеским. Я опустила глаза в пакет.

— Нина, — сказала я. — Двадцать четыре. Нахожусь в непродолжительном финансовом затруднении. Предлагаю на «ты».

— Антон. Двадцать семь. Затруднение средней продолжительности.

— Приятно познакомиться.

— Взаимно.

Мимо прошла женщина с двумя пекинесами. Один встал под нашим столиком и с надеждой посмотрел на пирог Антона.

— Нет, — сказал Антон.

Пекинес сел.

— Не верит тебе, — заметила я.

— Никто не верит, когда пахнет капустой.

Я засмеялась с набитым ртом, закашлялась. Он молча придвинул ко мне стакан с водой.

И именно в этот момент телефон снова завибрировал.

Илья.

Я перевернула его.

Антон посмотрел на мою руку, потом на меня.

— Можешь ответить.

— Не хочу.

Он кивнул и продолжил есть.

Никакого «бывший?», никакого «что случилось?». Мы постояли молча. Мне вдруг стало легче дышать.

— Ты из-за этого вернулась? — спросил он, когда телефон замолчал в третий раз.

— Отчасти.

— Понятно.

— У тебя талант.

— К чему?

— Не задавать следующий вопрос.

Он вытер пальцы салфеткой.

— Я много вопросов не люблю.

Я посмотрела на его шлем.

— Учту.

До маминого дома он дошёл со мной пешком, катя велосипед за руль. Это был крюк; я знала город достаточно хорошо, чтобы не обманываться, но ничего не сказала.

У моего подъезда сидели двое школьников. Смотрели на телефон, деля проводные наушники. Девушка смеялась, парень пытался убрать волосы у неё с лица и никак не мог выбрать подходящий момент.

Мы с Антоном остановились немного в стороне.

— За сегодня ещё раз спасибо, — сказала я.

— Теперь ты должна мне не опаздывать.

— Суровые условия.

— Реалистичные.

Он уже взялся за руль обеими руками, когда я спросила:

— Тот голос в вагоне. Ты пробовал восстановить запись?

Антон перестал двигаться.

Мне стало ясно, что я всё испортила, ещё до того, как он ответил.

— Я не просил.

— Я знаю. Я просто… Там был шум, обрыв. Я могу почистить, если тебе нужно.

— Не нужно.

Я кивнула слишком быстро.

— Хорошо.

Он надел шлем.

— До понедельника.

Я смотрела, как он уезжает, и злилась на себя. Он принёс микрофон. Проводил. Начал улыбаться. А я решила, что теперь мне можно войти туда, где дверь оставалась закрытой.

Наверху мама спросила, буду ли я ужинать.

— Уже ела.

— С кем?

— С одним человеком с инструментами.

Она помолчала.

— Ну, это в доме пригодится.

Я бы засмеялась, если бы мне не было так стыдно.

Глава 5. Не по работе

В понедельник Антон был вежлив.

Он помог подключить питание, договорился с водителем, принёс из бытовки стул для Олега. Отвечал сразу, смотрел прямо. Я обнаружила, что вежливость иногда гораздо неприятнее грубости: возразить нечему, а место твоё уже обозначено.

Мы записывали интервью с бывшей кондукторшей Раисой Петровной. Она проработала на линии тридцать один год и не собиралась позволять микрофону указывать, с какой громкостью ей разговаривать.

— Молодой человек, вы мне тут не шикайте, — сказала она Антону, когда он попросил соседнюю бригаду перестать на минуту стучать.

— Я не вам.

— А мне тоже не надо.

Я спрятала улыбку за наушниками.

Раиса Петровна села в пустом вагоне у окна. Антон остался у двери. Олег разложил вопросы на коленях.

— Расскажите о вашем первом рабочем дне, — начал он.

Она сложила руки на сумке.

— Пятого октября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года я приступила…

Я остановила запись.

Все посмотрели на меня.

— Извините. Раиса Петровна, а вы помните, что надели?

— В первый день?

— Да.

— Туфли. Дура была.

Антон кашлянул в кулак.

— Почему? — спросила я.

— А потому что красивые. Каблук вот такой.

Она показала пальцами.

— До кольца доехали — я уже босая. Надька, напарница моя, дала тапочки. Мужские. С помпонами. Где взяла, не спрашивай, она вообще женщина с возможностями была.

Я включила запись.

В следующие полчаса появился совсем другой вагон: с сумками, которые держали на коленях, замёрзшими монетами, человеком, который каждое утро оставлял кондуктору конфету и однажды принёс мешок картошки вместо букета.

— Замуж за него вышли? — спросил Олег.

— Нет. Картошка не повод.

Антон отвернулся к окну. Я видела, как двигаются его плечи.

После интервью Раиса Петровна достала из сумки контейнер с сырниками.

— Ешьте. У вас тут всё равно ничего человеческого нет.

Никто не стал спорить.

Мы сидели вчетвером на пластиковых стульях у цеха и ели холодные сырники руками. Олег рассказывал про своего отца, Раиса Петровна поправляла даты, а Антон молча передавал нам салфетки.

Когда я потянулась за последней, наши руки столкнулись. Он придержал пачку, подождал, пока я возьму.

Я не посмотрела на него.

После обеда позвонила мама.

— Нина, ты мой ключ не брала?

— Нет.

— Значит, на работе.

— Ты где?

— У подъезда. Ничего, сейчас обратно съезжу.

В её голосе я услышала то, чего она не сказала: смена началась в семь утра, автобус ходит плохо, ноги болят.

— Я принесу. Подожди.

Петличка была подключена к рекордеру, рабочие вернулись с обеда, следующая запись через двадцать минут. До дома пешком — полчаса в одну сторону.

Я закрыла глаза и начала собирать провода.

— Что? — спросил Антон.

Я объяснила.

— На велосипеде десять минут, — сказал он.

— Я не умею на твоём. Он мне высокий.

— Я отвезу.

— Не надо, ты же…

— Ключ где?

Я достала связку. На ней осталась старая пластиковая клубника, которую папа купил мне на море, когда мне было девять. Антон взял её за кольцо.

— Какой подъезд?

— Третий. Мама в бежевой куртке. Вера Николаевна.

Он кивнул и ушёл.

Впервые за несколько дней я осталась в цехе одна, если не считать двадцати человек за соседней стеной, и не смогла воспользоваться тишиной.

Мама позвонила через пятнадцать минут.

— Спасибо. Он ключ тебе завезёт?

— Да.

— Хороший молодой человек.

— Мам.

— Что «мам»? Я ему домофон придержала, он мне пакет поднял. Умеет разговаривать.

— Он работает со мной.

— Я и говорю: хорошо.

Антон вернулся с бутылкой воды и вернул связку.

— Мама сказала, клубнику не терять.

— Это угроза.

— Я так и понял.

Я убрала ключ.

— Спасибо.

Он сел на край верстака.

— Нин, про пятницу.

В груди что-то провалилось.

— Я не должна была спрашивать.

— Спрашивать можешь.

Он отвинтил крышку бутылки, снова завинтил.

— Только я не всегда буду отвечать.

Я посмотрела на его руки.

— Хорошо.

— Там мама. На записи.

Я не стала говорить, что поняла ещё тогда.

— Она раньше водителем работала, — продолжил он. — Потом ушла. Это для меня записывала, когда я маленький был. У нас игрушечная дорога дома была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.